

Генрих Белль рисовал книги цветными карандашами

Коммерсантъ-daily, 1997, — 20 дек. — с. 9
Сегодня исполняется 80 лет со дня его рождения

Ни в одной стране мира, включая Германию, лауреат Нобелевской премии 1972 года **Генрих Белль** не пользовался такой любовью, как в России. «Долина грохочущих копыт» и «Бильярд в половине десятого», «Хлеб ранних лет» и «Женщины на берегу Рейна» — все это исправно переводилось на русский. До 1974 года — и после 1985-го.

В июне 1973 года «Новый мир» завершил публикацию «Группового портрета с дамой». Проглотив этот роман как всегда за два-три присеста, интеллектуалы СССР стали дожидаться следующего. Ждать пришлось долго. Ибо 13 февраля 1974-го Белль совершил непоправимую ошибку. Встретил в аэропорту высланного Солженицына. Пригласил домой.

Это было последней каплей, хотя правозащитной деятельностью Белль занимался и раньше. В частности, выступал за Бродского, Синявского, Даниэля, возмущался русскими танками на улицах Праги. У него вообще был социально взрывной темперамент. В конце шестидесятых он изо всех сил нажал на больную для Германии нерв «красных бригад», призывая нетерпимых буржуа к милосердию. В 1976-м демонстративно порвал с католической церковью, замаравшейся в борьбе за светское превосходство. Печатал статьи, произносил речи, запальчиво спорил с оппонентами.

Запальчиво, как ребенок. Беспристрастный читатель беллевской публицистики явственно слышит интонацию кристальной ребячьей обиды, трепет свежеиспеченного мальчишеского комплекса, который комментаторы впоследствии пытались затушевать. «...Смутное чувство вины солдата, призванного в конце войны, хоть и ненадолго, фашистским вермахтом», — писал Владимир Лакшин в 1985-м (курсив мой. — Б. К.). «Я был солдатом с 1939 до 1945 года... Я был солдатом гитлеровской армии и с этой армией был в вашей стране, в Киле, в Одессе», — исповедовался Белль перед советской аудиторией в 1962-м.

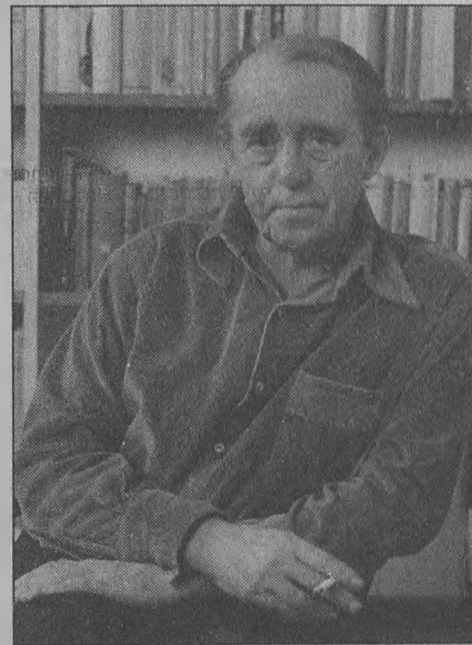
Он казался воплощением чаяний нашей официозной критики, клеившей каждому «прогрессивному» литератору мира русскую традицию. Мы ненавидим тех,

кому причинили ущерб, вольный или невольный. Белль — любил. Уповал на перспективы социализма, очищенного от Сталина, на возрождение соцреализма, по его мнению, «осовремененного» Солженицыным. Автор «Архипелага» — постоянный персонаж выступлений Белля, строптивый товарищ, близнец-соперник. «Великий писатель, в котором легко угадать математика... ибо он наделен даром планировать и выражать в виде формул самые сложные процессы, включать в эти формулы не поддающиеся расчету величины, вероятности и невероятности».

Впрочем, крупнейший литератор Западной Германии говорит здесь, скорее, не о Солженицыне, а о самом себе. Стены его кабинета увешаны графиками, где выются, пересекаясь, разноцветные синусоиды и параболы — судьбы романских героев. Нет, над Беллем, как и над всей новейшей германоязычной литературой, тяготела отнюдь не русская традиция — куда там, — а отечественная инерция. Наследие немецкого экспрессионизма начала века.

Термин «экспрессионизм» происходит вовсе не от слова «экспрессия». Ex-pression — выдавливание. Лабораторное выделение предмета из контекста. Этим приемом, точно сговорившись, пользовались и Белль, и Анна Зегерс, и Макс Фриш, и Гюнтер Грасс, и Петер Хандке, и даже уютнейший Фридрих Дюрренматт. Их увлекательная, изощренная проза неизлечимо механистична, суха с изнанки, скрытно назидательна. Трудно понять, почему в 60-е Белля в СССР приняли с тем же энтузиазмом, что и Сэлинджера.

Лучший же роман Белля за раннеперестроечной суматохой у нас мало кто раскрывал. Он называется «Под конвоем заботы». Неистребимый германский схематизм в нем оправдан тем, что сюжет книги почти детективный: теракты, полицейские облавы, начиненный взрывчаткой велосипед. Но главное — центральный персонаж Фриц Тольм, миниатюрный старичок, безвольный и кроткий, которому ничего от жизни не надо, кроме «детских ладоней и истории искусств». Он стал газетным магнатом и непомерно разбогател просто потому, что течение

«Мне нравится конструировать», — говорил он о собственном творчестве. Конструкции рухнули. Книги остались

выталкивало его вверх, а он не умел противиться, отказывать и боялся просчитывать будущее. Это молодые убийцы в романе только тем и заняты, что «считают, считают, считают». А Тольм — величина, не поддающаяся расчету, вероятности и невероятности одновременно, совершенно живой, трехмерный человек, невеста каким образом вписавшийся в плоскость книжных страниц.

«Социализм победит, какой-нибудь социализм победит обязательно», — произносит Тольм. В эту фанфарную фразу вложен предельный трагизм: в финале внук, запрограммированный леваками-террористами, поджигает дедов дом.

Почти такой же трагизм заложен в сопоставлении двух дат. Впервые после долгого перерыва Генриха Белля напечатали в СССР 3 июля 1985 года. 15 июля он скончался.

БОРИС КУЗЬМИНСКИЙ